18+

Екатерина Анатольевна
Садыкова

Унтер-офицер

повесть для киносценария

Екатерина Садыкова

Унтер-офицер. Повесть для киносценария

«Издательские решения»

Садыкова Е. А.

Унтер-офицер. Повесть для киносценария / Е. А. Садыкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659716-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Остаться человеком в нечеловеческих жизненных испытаниях — это тот навык, который обрел Артемьев Тимофей Данилович, пройдя долгий, почти столетний путь в солдатских сапогах от Иркутска до Австрии. Через четыре страшных войны. Сохранив любовь к миру и людям. Это то, что нужно нам, нынешним людям — учиться жить по-человечески, несмотря ни на что.Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-659716-7

© Садыкова Е. А.
© Издательские решения

Содержание

УНТЕР-ОФИЦЕР 6
Тетрадь 1-я. Детство 7
Тетрадь 2-я. Уфа 12
Тетрадь 3-я. Первая мировая война 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Унтер-офицер
Повесть для киносценария

Екатерина Анатольевна Садыкова

Дизайнер обложки Галия Венеровна Дьяконова

© Екатерина Анатольевна Садыкова, 2026
© Галия Венеровна Дьяконова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0065-9716-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УНТЕР-ОФИЦЕР
Повесть для киносценария

Моему любимому дедушке в честь 80-летия Победы. Я знаю, что ты всегда рядом. Благодарю сестру Людмилу Артемьеву-Щепину за подборку документальных материалов.

Какое ж это хлопотное дело – старый домик в деревне. Хочется дореволюционный дух сберечь, и одновременно комфорт нынешний добавить. У Раисы с Сергеем осталась от деда маленькая избушка в Кармаскалинском районе Башкирии. Построенная еще в 1900-м году из ладных крупных дубовых бревен, со слюдяными окошками, с палатями и самодельным струганым столом. А главное – с живой кирпичной деревенской печкой. Приехали они летом, начали убираться в домишке, и за печкой нашли старый, темный, промасленный деревянный сундучок, пахнущий канифолью и оловом, а в нем помимо мелкого кузнечного инструмента – десяток пожелтевших тетрадей с записями деда Тимофея. О том, как помещичий пастушок дорос до Георгиевского кавалера, награжденного двумя крестами самим царем. До унтер-офицера Тимофея Даниловича Артемьева, который почти сто лет шел по континенту Евразия в солдатских сапогах от Польши до Иркутска, через три войны и революцию, не посрамив человеческое имя и сохранив любовь к ближним.

Тетрадь 1-я. Детство

Полуденное солнце заливает собой дубовый лес с коряжистыми, мощными деревьями. Дубрава шуршит июльской листвой на легком жарком ветре. На толстой ветке дерева, выгнутой коромыслом кверху, низко подвешена люлька, в ней голенький младенец месяцев четырех, прикрытый белой тряпицей. Люльку качает красивая, пронизанная лучами солнца, женщина лет 35-ти. Она сидит, прислонившись к стволу дуба, на котором висит люлька. Рядом лежит коса. Поодаль расстелен белый рушник, на нем кувшин с молоком, краюха ржаного хлеба, вареная картошка, яйца, зеленый лук. Женщина тихонечко поет:

Бай, бай, бай, мое дитятко,
Уж я дитятко люблю, да нову зыбочку куплю
Уж я рабенка спотешу – нову зыбочку повешу,
Нову зыбочку повешу – дитя спать повалю,
Спать повалю, да тебя в зыбочку,
В зыбочку, да в колыбелечку,
В колыбелечку, да на постелечку,
На сголовьице, да на здоровьице.
Еще зыбочка-кач-кач, да золоты были бочка,
Очепок с камкой, да посередке золотой,
Уж ты спи ты мое дитятко, без байканья,
Спи без байканья, да ты без люльканья,
Уж ты спи, дитя, здоровенько, вставай весело,
Ты спи камушком, да вставай перышком.

Вокруг жужжат пчелы, слепни. Жар. Аромат луговых трав и томление разлито всюду. Июль. Раздается хруст сухих веток, шуршание травы. К дубу подходит мужчина лет сорока, в белой расстегнутой льняной крестьянской рубахе, мокрой от пота, в серых льняных штанах, босой:

– Умаялись? Жарит нынче, водой только и спасаюсь. Жернова сладил. Бог даст, запущу к обеду мулле мельницу. Ато, вреден свят человек, – улыбнулся он в бороду, – все норовит меленку запустить, а мне да работникам моим кукиш показать. Хитер бобер.

Он подошел к люльке:

– Ну, а ты – то как тут, Тимошка? Мать тебя накормила ли?

Взял Тимофея из люльки на руки, поцеловал в лоб:

– Расти быстрей, помощник ты мой, вместе мельницы ладить будем, реки тебе покажу, дело свое расскажу.

Евдокия отломила хлеб, протянула Даниле:

– Да ты поешь, садись, хватит гулькаться, сыт он, только от груди оторвала, сосет как бычок. Сам-то голодный. Вон крынка, молока – попей, хлеб, яйца. Когда еще вечерять-то будем… Я полосу – другую скошу, и к хате подамся, квашня подойдет поди-ка.

Данила взял хлеб:

– Ты, Дуня, не майся, мы с робятами кончим дело, скосим. Лучше зрелки пособери, страсть как в рот просятся.

– Да – уж. Вон, за дубом лукошко, поди, посластись.

Данила идет за ствол дерева, берет корзину полную крупной зрелой земляники, садится подле жены, загребает горстью, сыпет в рот, ест с удовольствием, целует свою заботушку. Перебирается ближе к рушнику, пьет молоко из глиняного горшка, отламывает хлеб, жует кар-

тошку. Евдокия смотрит на него, улыбается. Разомлев, закрывает глаза и дремлет. Данила, наевшись, присаживается ближе к жене, прислоняется так же к стволу дуба и рядом засыпает.

Год 1899-й. Маленький круглый мулла с короткими ножками семенит за Данилой к мельнице:

– Данила, ты когда мельницу пустишь? Быстрей нада…

– Поспешишь, и будет шиш. Я тебе когда сказал новый вал привезти? А опоры? Как же я ее пущу, если нечем ладить?

– Я тебе вал из Бишаула завтра привезу, там старую мельницу разбирают, вал есть, опоры есть.

– Так они же старые, мучиться потом будешь, и меня проклинать.

– Неет, они хороший. Привезу, поставишь, ишо как работать будит.

– Ну, смотри, Нурей, я свое слово сказал. Не серчай потом, когда развалится.

– Да нет, ты сделай быстрей, а потом – потом и будит.

Не прошло и пару дней, как Данила стал запускать мельницу. Толпа зевак собралась поглядеть на диво у реки. С пригорка кувырком летит маленький мальчишка в ладных портках и рубашонке, и кричит:

– Тятя, тятя, а я то, погодиии…

Данила оборачивается на сыновний голос, подхватывает его на лету:

– Айда, Тимошка, щас водицу пустим. Федор, открывай заслонку.

Мулла семенит вокруг Данилы:

– Алла бирса, Алла бирса… муку на базар возить будим…

– Ты, Нурей, какой вал привез? Треснутый. Опоры все короедом изъедены. Не простоит долго, развалится.

– Эй, Данила, чего каркаешь на свою работу, воон вода бижит, вал крутит, щас зерно пустим, мука пойдет. Чего еще нада?

– Ээх, не слышит, – махнул рукой Данила. – Смотри тут Федор, я к Ивану на жернова пойду, погляжу. Глянем на муку, сынок?

– Айда, тятя, глянем, – отозвался вихрастый, выгоревший волосами на летнем солнце мальчонка, и побежал вслед за отцом внутрь мельницы.

Прошло лето. Листвой с деревьев слетела осень. Вот уж святки. Мулла в ватном чапане с красным злющим лицом, бегает вокруг своей мельницы и причитает:

– Ай, Алла, Ай Алла, щас камень треснет. Данилу крищите. Эй, каму говорю, зови Данилу.

Данила на коне, взметая клубы снега, приосадил возле мельницы, влетел в нее в распахнутом черном полушубке, как ворон. И спустя минут десять, все стихло. Мулла трусливо потоптался еще некоторое время возле, и боязливо вошел внутрь. Через полчаса вышли оба.

– Пока вал новый не привезешь, молоть ничего не будем. И опоры менять надо. Это уже по весне, к лету ближе.

– Ладно, Данила, ладно. Я уж испугался, думал, камень треснет, все здесь поломает. Рахмат сине. Привезу вал, на неделе привезу.

Наутро мулла уехал за валом. А в деревню к Даниле явился на бричке помещик Камелов со спиртзавода:

– Говорят, Данила, ты мастер мельницы ладить. Пойдешь ко мне? Мулла-то ваш, жадный. А я не поскуплюсь, хорошую мельницу возьмем, запруду сделаешь на Карламанке, дом дам,

деньгами не обижу, сам потом и мельничать станешь. Вон мальчишку твоего грамоте обучим. Поедешь?

– Закончу с Нуреем, налажу эту. Чего ж не поехать, поеду. Чай, больших инженеров в округе не сыщешь. А я по своей науке все сделаю. Лучше инженерной молоть будет. Поеду, коль позвал.

Избушку помещик дал маленькую, бревенчатую, в три слюдяных окошка. Печка, стол самоделок, полати да божница. Вот и вся домушка. Но Даниле работа была надобна, как невеста неженатому. Не терпел он без любимого дела. Душа ныть начинала. Так и остался у помещика. Тимошку помещичий слуга Микитка учил буквам и цифрам, скручивая их из глины. Евдокия с раннего утра на хутор уходила коров доить, работникам обеды готовить, да хлеб печь. Тяжело ей приходилось. Работников у помещика была сотня. А обслуги всего-то три бабы. Приходила Евдокия затемно и уходила по темну. Тимошка с маленьким братишкой Федором жалели ее, сами дома кашеварить научились. Когда картошку сварят, когда полы подметут. И все зимой в окошко глядят, может маманька пораньше придет.

Как-то раз зима была лютая. Окошко промерзло насквозь, иней бородой висит. Тимошка все дрова в печку покидал, что в доме были. Надо было на двор идти, из поленницы нести. Только валенки натянул, как дверь распахнулась, и двое мужиков втащили под руки отца Данилу:

– Ну-ка, малец, держи самогон, тятю растереть надобно. Плесни на руки-то, давай скорей. В реке он замерз, колом лед с мельничного колеса сшибал, чтоб закрутилось.

Отца положили на полати, растерли, ползком он перебрался на печку. Тимошка согрел кипятка с травой, влез к нему и стал поить. Данила трясется весь, зуб на зуб не попадает. Выпил и чай, и самогон, вроде утих. Тимошка оставил керосинку на ночь незагашенной и ждал мать. За полночь пришла Евдокия. Тимошка рассказал, как все было. Мать заплакала:

– Господи, помрет ведь. Мороз-то, какой. Чем лечить-то.

– Не надо, мама, не плачь, тятя здоровый, сдюжит, – утешал Тимошка.

А сам боялся, вдруг и вправду помрет. Шибко уж холодно было за окном. Наутро у отца началась горячка. Он метался, кашлял, стонал, за грудь хватался. Мать побежала к барину просить отвезти Данилу в больницу. Кучер повез, да ни тулупом не укрыли, ни овчиной – холщовым одеялом, что в бричке лежало с осени. Обратно вернулись быстро, в больнице отца не оставили. Тятя с трудом заполз на полати. К утру захрипел, заметался, кинулся на двор, мать остановила. Сел за стол:

– Как же вы теперь без меня будете жить?

Уронил тяжелую голову на руку, вздохнул хрипло и глубоко… Вторая рука упала мимо стола. Душа отошла. Умер.

На юру мужики в мерзлой земле выдолбили могилу. Закидали стылой глиной. Поставили домовину. Ни у Евдокии, ни у Тимошки с Федором слез после похорон уже не осталось. Все замерзло и душа, и слезы.

А помещик уж через неделю взъелся на Евдокию, велел Тимошке с Федором в поденщики идти, матери помогать, стирать, воду возить с реки, готовить, убирать за работниками и скотиной. Мать доила 20 коров, пекла хлеб на сорок человек и получала за это 4 рубля. День и ночь она плакала, причитала, квашню замешивая. А один татарин все удивлялся: «Какая баба, мужик у нее умер, а она поет…» Так этот татарин стал Тимофея учить языку татарскому.

Ловко у Тимошки получалось. Через полгода разговаривал и с татарами, и с башкирами на их языке, многие-то русского не знали.

Жизнь пошла у ребят собачья. Даже хуторские собаки, что барина охраняли, к Тимошке лучше самого барина относились. Однажды было, что стая собак, чужого мужика с соседнего хутора разодрать решила. А Тимка всех псов по именам знал, подкармливал чем мог, спал с ними в обнимку, когда замерзал. А тут видит, гонят мужика по полю, того и дело, загрызут. Стал он кричать собак по именам, к себе звать. Отстали от мужика, прибежали к Тимке, сидят, не трогают. А мужик-то, отсиделся подле, а потом давай прощения просить, что раньше Тимофея исхлестал хворостиной, когда барские гуси его хлеба поели. Тяжко было Тимке рядом с этим мужиком стоять, пошел он к себе, а мужик в свою сторону. Так и простились.

Где самые трудные работы, туда Камелов Тимофея гонит. И заставляет старосту все учитывать, сколько мальчишка недоработал. Все вычитает из материного жалования. Худо стало жить без отца. Поедом помещик заедает. Как-то приказал старосте поставить малого быков и свиней пасти. А тут – гроза. Ливень. Ночь. Степь кругом, ни кустика. Тимошка под пузо быка забрался, и быку тепло, и мальчишке. Как гроза утихла, утро пришло. Увидел Тимошка, что стада нет, разбрелось. Попробовал собирать, не выходит. Да еще горе, что быки у соседа в хлебах пшеницу помяли. К вечеру народ сошелся, кое-как стадо подсобрали. А быки, голов десять, наелись травы какой-то, и околели. Барин рассвирепел, велел Тимошку запороть. Растянул староста малого на козлах, отходил так, что вся спина – в ремни кровавые, мать голосила, рвалась, да им-то что, не пустили. Отца нет, защитить некому. Полуживого его притащили к дому и у крыльца помирать бросили. Тут сердобольный татарин на выручку подоспел, в дом заволок, обмыл тряпицей, подорожник с салом намешал, намазал спину и сказал:

– Тебе, Тимка, помирать нельзя, мать с кем оставишь, давай лежи, завтра опять приду, намажу. Воду пей больше, тряпку холодную на лоб клади.

Зажила спина. Зарубцевалась. А злоба на помещика осталась, затаилась до нужного времени.

Как-то по осени услыхал Тимофей, как поденные мужики с бабами шушукаются, сговариваются на работу не выходить. Устали без выходных спины на барина гнуть. Порешить – то порешили, только среди каждых решающих свои доносчики есть. Тут же барин узнал, старосту вызвал:

– Если на работу не выйдут, сейчас же дам телеграмму в Уфу, казаки приедут всех плетками запорют.

Побурчала буза до обеда, а после – все вышли снова батрачить. Кому без куска хлеба остаться охота. Бабы затянули песню: «Ой, да барыня, ухнем! Мы от голода пухнем! Ой, ребятушки, охнем! Недоедаем и сохнем!» А больше всех барин на троих ребятах отыгрался за бузу. В ливень выгнал днем скот пасти, а в хлев загонять днем нельзя. Или мокни до нитки, или на барскую «милость» нарывайся. Только мальчишки сунулись под крышу, а он тут как тут: «А ну гоните всех в поле! Лентяи! Запорю!» Погнали. От холода и дождя зуб на зуб не попадает. Старший Микитка говорит: «Давайте угоним их под бугор, а сами в солому зароемся!» Так и сделали. Солома была гнилая, старая, мышами поеденная, норку вырыли, а там тоже вода, но делать нечего, хотя бы ветра нет. Согрелись, уснули. Дышать было тяжко. Вылезли, пригнали стадо. Добрели до дома, и тут началась рвота. Животы скрутило. Мышиная лихорадка напала. Неделю провалялись, бредили, горели, кроме матери никто и не подходил. Оправившись через неделю, Микитка к себе в село свое ушел. А Тимофей, который раньше пару раз ездил по барским делам с обозом в Уфу к дому Камеловых на Центральной улице, и дорогу

примерно знал, собрал в узелок хлеба краюху, заработанные у помещика за все время 9 рублей, и подался в город, работу искать. Не можно было больше издевательства барские терпеть.

Тетрадь 2-я. Уфа

Год шел 1909. Тимофею уже минуло четырнадцать. Сговорившись с двоюродным братом Сергеем, что в Уфе кучером служил, купца возил, Тимка тайно отправился в город с продуктовыми подводами Камелова, поставлявшего офицерам, живущим в его доходных домах муку, гусей, картошку, пшено и копчености. Во дворе дома, где Сергей снимал каморку у купца, всегда пахло хлебом. Там в булочной пекли хлеб…

Утро только обозначило горизонт. Пекарь Степан зевнул, потянулся и засыпал в чан с опарой муку. Сильными крепкими руками стал ловко месить тесто на булки. Тимофей стоял за большим окном пекарни, как завороженный, и глядел на быстрое мелькание рук пекаря. Не заметил, как хозяин булочной открыл дверь. Как солнце поднялось над городом. Все глядел и глядел.

– Что, нравится? – раздался за спиной мужской голос.

Тимофей очнулся:

– Шибко ловко, красиво месит.

– Пойдешь ко мне булки разносить? Глядишь, Степан и тебя чему-нибудь научит, хоть плюшки формовать.

– Пойду, коль не шутите.

– Да чего шутить, иди, работай. Рубь двадцать окладом дам, больше не проси, будешь с ребятами разносить булки в медресе, гимназии, да лавки, и печь дровами набивать.

Пошли дни и ночи с хлебом. Пока ночью Степан месит, мальчишки прям в пекарне, кто где уткнется, спят по углам. Утром им корзины пуда по три грузят булками, ватрушками и отправляют по городу. Деньги за товар не доверяли, квитанции выписывали. Потом по ним хозяин ходил деньги собирал.

Раз принес Тимофей булки в ближнее с пекарней медресе «Галия». Сел на крыльцо передохнуть, а тут из дверей мулла выходит.

– Салам аллейкум.

– Ваалейкум ассалам, – ответил Тимофей, башкирский он хорошо знал.

– Как зовут тебя? – продолжил мулла по-башкирски.

– Тимофеем.

– Откуда ты родом?

– С Дуван-Табынской волости, с хутора Камеловых.

– Давно здесь?

– Месяц пошел.

– Тяжело?

– Тяжеловато.

– А вас как зовут?

– Мажит. Мажит Гафури. Учусь я здесь, в медресе.

– Я бы тоже хотел учиться, так грамоте маленько разумею, улицы с трудом читаю, цифры знаю, а читать хорошо не могу…

– Хочешь учиться, говоришь?..

– Очень хочу.

– Ладно. Помогу. Только вот что, тебе в бане помыться надо, тут в доме у вашего барина Камелова дворник есть Султан, так к нему пойдешь после работы, я ему скажу, чтоб баню истопил, там помоешься, переоденешься и сюда придешь, ночью учиться будем.

Тимкино сердце запело:

– А не обманешь, Мажит-агай?

– Не обману. Иди, работай.

Лицо и голос Мажита были Тимофею приятны и ободряющи. Он понял – это большая удача, что его встретил. Это позже он узнает, кого встретил на своем пути. Известного башкирского поэта и очень хорошего человека, Мажита Гафури.

Распарившись у Султана в бане впервые за месяц работы в пекарне, Тимофей чуть не уснул на пологе. Султан, не дождавшись парня, сам зашел в парную и стал охаживать вениками, распарил, отмыл, отскоблил. Штаны, рубаху выпарил, выстирал, высушил, чаем напоил, и отправил, как и велел Мажит, в медресе неподалеку.

– Ну вот, теперь можно тебя и в комнату провести.

– Рахмат синя, Мажит-агай. – стал благодарить довольный жизнью Тимка. – Мин башкортча блям.

– Хорошо. Молодец. – перешел на русский учитель. – Но учиться будешь русскому. Он тебе сейчас нужнее. Смотри, это букварь. Что из него знаешь?

– Кисель…

– Какой кисель?

– Мне Микитка, что грамоте учил глиняными буквами, этот букварь показывал, там мальчишка лег спать, и кисель во сне увидал, а ложки – то нет. Потом спать с ложкой лег, а киселя теперь нет. Зовет-зовет кисель, а он не появляется. Он и заплакал.

Мажит улыбнулся:

– Это старый букварь. В моем букваре ни киселя, ни мальчишки нет. Есть аз, буки, веди…

– Глаголь, добро, – подхватил Тимофей. – Это я знаю.

– Хорошо, если знаешь, давай по слогам слова почитай.

И помчались дни в поте – с булками да хлебом. А ночи – в медресе с буквами и тетрадками. На второй месяц читал Тимофей уже бегло. Но уставал вусмерть, над страницами засыпал. Мажит долго на это смотрел, потом сказал:

– Тимофей, надо из булочной уходить, жить там негде, помыться негде, платят мало, работа очень тяжелая, от тебя кожа да кости остались, учиться так не сможешь. Пекарем хозяин не возьмет, он это каждому мальчишке обещает, сколько уж я их перевидел. Шутка что ли по двадцать пудов за день перетаскать.

Тимофей повздыхал, но понимал, что Мажит прав. Сил уже не оставалось, а хозяин еще и на выездную розницу отправлял по всей Уфе. Фартук белый натянет на пацанов. Коромысло на плечи повесит, на него две корзины с булками. И гонит прибаутками мамзелей на ватрушки зазывать. «Знали бы они, двумя пальчиками берущие выпечку, в какой грязище ватрушки пекут, сразу бы подавились наверное», – думал Тимофей. Но виду не показывал. Расхваливал, как мог. Уфа в ту пору вся грязная была. На гостином дворе по осени телеги с товаром тонули в лужах. Под новый год, 30-го числа хозяин послал с товаром на Гостиный двор, торговать. Приезжих много, все чем-то торгуют, вот, мол, и наторгуешь. Прошелся парень по рядам, покричал, позазывал, одну корзину распродал. Вторая пошла. Отворотился на минутку, а тут его кто-то как толкнет в плечо. Он не оборачиваясь:

– Чего толкаешь, зараза!

Оборачивается, а там – девушка, красивая. Смущается:

– Не серчай, не увидала, к мясу своему бегу, на дядьку оставила, он денег считать не умеет.

– Да чего уж. Не серчаю. Всяко бывает.

– Давай я у тебя ватрушек возьму.

– Ннет, – замялся Тимофей. – Не бери.

– А чего так?

– Ты красивая, беды для тебя не хочу. Знаю, как пекут.

Девушка расхохоталась:

– Ну ладно, не возьму. Пойду я.

– Как звать-то тебя?

– Авдотья. Авдотья Пяткина я.

– Найду тебя, Авдотья. Будь здорова и с прибылью.

– И ты не хворай.

Распродал Тимофей в тот день все и решил расчет просить. Пришел, а хозяин денег не отдает. Повздорили громко. На шум брат хозяина вышел:

– Нельзя так с парнишкой, отдай что заработал. Он тебе по чести отработал и по совести. Не гневи Бога.

Попыхтел хозяин, попыхтел, да делать нечего, и деньги выдал и удостоверение личности. Пошел Тимофей на биржу, а очередь с базара аж до Голубиной улицы тянется. Мужики в пять рядов стоят, кто с пилой, кто с топором, кто со столярным инструментом в заплечных котомках. Голодные все, злые. Господа приходят, кричат плотников, набирают, уводят. Кричат столяров, набирают, уводят. А Тимофей молодой, больно – то никому не нужен, никто не берет. На другой день подошел к нему человек и спрашивает, кто он, где живет. Тимка ответил, что сирота, с хутора. Человек поглядел в глаза и говорит:

– Мне помощник в магазин нужен, кормить досыта буду, одевать, жилье дам. Но деньгами платить не стану.

Подумал Тимофей, вроде распорядок дня хороший, не до ночи, работа в магазине, учиться у Мажита время будет. Да и другой работы нет. Согласился. Так и стал днем на складах магазинных работать, ночью и учиться успевал, и поспать досыта. Сыт, обут, одет. И маме через Султана сообщил, что жив-здоров, чтобы не плакала о нем больше. Вскорости смог одеться, как франт столичный – костюм-тройка с иголочки, рубашка-косоворотка, ботиночки лаковые. И фото пошел сделал.

Пришел к хозяину магазина как-то шурин Дмитрий Семенович. Разговорились с Тимофеем:

– Я ведь такой же, как и ты, молодой с родины своей уехал. Продал в Костроме землю, какая была, и сюда. Сказали, здесь башкирцы дешево свои земли распродают. Добрались, а тут – шиш.

– Шиш? Тятя так говорил, про шиш.

– А где он у тебя, тятя-то?

– Помер. Давно уж, я маленький был. Мельницу на святки в реке ото льда отбивал, простыл, сгорел в три дня.

– Сирота значит.

– Мать живая, братья есть. Маненько обросту деньгами, им гостинцев отвезу.

– Оно и правильно. Только здесь ты деньгами – то обростать шибко долго будешь. А если сгорит магазин-то? Нынче вон пожаров сколь было. Опять вшей кормить подашься?

– Нет, обратно никак нельзя, буду другую работу здесь искать.

– Так, говоришь, отец мельницы ладил?

– Инженерил. Просчитывал, как запруду сделать. Какое колесо ставить, от начала до конца все сам, мужики на подхвате, и я между ног. Тятя и кузнец, и жнец, и на дуде игрец.

– Так, давай-ка тятино дело продолжать, Тимоша. Иди ко мне учеником, на три года. Я тоже инженерное дело знаю. Кузнечить и слесарить обучу, на себя работать станешь.

– Кузнечить? Верно говоришь? Не обманешь?

– Чего мне тебя обманывать, вон у меня двое ужо работают и учатся. От отцов оторвал, договорами взял на три года. Учу. Живут. Не жалуются.

– Дмитрий Семеныч, пойду к тебе. Верой и правдой работать буду.

– Ну вот и сладили. Шурину я сам скажу, что тебя забираю. Пошумит маненько, да угомоню. Доработай нынче, а вечером приходи.

Весна в Уфе дышала первой пылью мая и новой зеленью, дрожащей на легком ночном ветерке. Тимофей вышел из магазина, закинул пиджак за плечо, улыбнулся впервые за много лет, вздохнул широко и тихонько пошел в свою новую жизнь.

Мастеровой дом на Большой Казанской еще светился окнами. Тимофей вошел, закрыл за собой ворота и увидел Дмитрия Семеновича в фартуке и с клещами:

– Пришел? Авдотья, Тимофей пришел, определи парня.

Из дома вышла жена Голубева:

– Доброго здоровья. Заходи в дом.

– И вам здоровья. Мою маму тоже Евдокией, Авдотьей звать.

Дом оказался вытянутым, как вагон, по обеим сторонам- комнаты, посередине – темный коридор. Голубева остановилась перед третьей дверью слева, открыла ключом, толкнула ее. Комнатка возникла небольшая, с окном, кровать, стол, табурет, керосинка, тумбочка – умывальник, чистый рушник, тканый коврик на полу, чисто.

– Столуемся все вместе, кухня прямо и направо. Вода, дрова зимой, все помогать будешь. Что, нравится?

– Благодарствую, нравится. Не подведу.

– Иди поужинай, парни еще щи хлебают.

На кухне за добротным темным дубовым столом сидели два парня.

– Здоровы будьте, – поздоровался Тимофей.

– И тебе не хворать. – отозвался рыжий бородатый мужик. – Новый что ль?

– Дмитрий Семеныч у магазинщика сосватал.

Рыжий облизал ложку, вытер руку о рубаху, протянул Тимофею:

– Степан.

– Тимофей.

– А это Серега. – кивнул он на второго помоложе и похлипче. – Он больше по ювелирному делу, я по кузнечному. Наливай, щи ишо остались.

Тимофей взял железную миску, налил густых щей с мясом, отломил краюху ржаного хлеба и выхлебал все дочиста. После сходил к хозяйке, спросил, не надо ли чем помочь, она ответила, чтоб воды принес в кухню и шел спать.

Справившись быстро, Тимофей снял одежду, умылся, и в рубахе и подштанниках с удовольствием растянулся на чистой кровати. Не спалось. Каких только мыслей не крутилось в голове. Вспомнил и помещичьи побои, и свиней с гусями, и маму в слезах, и отцовы руки, и пока вспоминал, медленно впадал в сон…

Утро пришло быстро, красное как кузнечный горн, солнце стало нагревать окно с прозрачной занавеской. В дверь постучали:

– На работу!

Тимофей соскочил, быстро оделся и вышел в коридор. Степан, на ходу натягивая рубаху, тоже торопился к выходу.

– Здорово.

– И тебе здорово. Айда быстрее, хозяин опозданий не любит, заставит до ночи молотом бить.

В кузне Дмитрий уже раздул горн:

– Нынче серебро плавим, самовары лудим. Степан – на самовары, Сергей – серебро дробить. Тимофей – иди сюда, за горн. На меня глядишь, раздуваешь горн мехами для Сергея. Нынче учишься, завтра – сам.

Чего-чего, а с огнем по-душам Тимофей умел. За меха взялся с радостью. Дмитрий Семенович пару раз подсказал, как лучше дуть, и дело пошло. И меха ученик успевает раскачать, и молотом со Степаном постучать. И так радостно на сердце у Тимофея, будто знает оно – вот где его дело, родное, самое его, теплое, душу радующее. Наспех пообедав, подмастерья помчались ложки серебряные лить. Заливали жидкое серебро в формы, оставляли остыть, потом Тимофей выбивал заготовки из форм и зачищал, «оглаживал». За смену пять столовых наборов налили. Голубев пришел вечером проверять работу и охнул:

– Ох ты, сколь наработали! Сладились, значит, друг с дружкой, робяты. Знатнооо…

– Тимофей вон крутится, как вошь многорукая, везде успевает, – устало улыбнулся бородатый Сергей.

– Да, с ним сподручнее. – кивнул Степан. – Скорый он на руку и на ноги.

– Меня барин на побегушках три года держал, умею. – устало усмехнулся Тимофей.

– Молодцы, робяты. Баня топлена, идите грязь смойте, вшей нам не надобно. – Дмитрий Семеныч довольно похлопал парней по спинам.

Банька была небольшая, дворовая, но горячущая. Камни трещали и трескались от жара. Дубовые бочки с водой в одном углу, полог с дубовыми вениками, скамейки по низу. Шайки, ковши, пар, эх, ух, ох. Нет ничего лучше русской бани с устатку. Кто говорит, самогон лучше, не верьте, пар правильный всю усталость за час выгонит. Спал Тимофей, не чуя себя. А утром снова, как кузнечик соскочил, и в кузню. Неделю потрудились с парнями – в субботу хозяин полную телегу самоваров залуженных развозить поехал по дворам. А парням выходной дал. Бабки, довольные самоварами, из окрестных дворов вечером повысыпали. Девчата семечки лузгают, хихикают поодаль. А Тимофей костюмчик свой надел, ботиночки лаковые, волосы кучерявые со лба откинул, и пошел к Гостинному двору вразвалочку. Пришел, стоит, смотрит. Ищет ту, которой плюшки вшивые купить не дал, когда здесь хлебным-то торговал, Авдотью. Может, опять мясом торговать приехала. Стоял, ходил дотемна, не было Авдотьи. Выспросил у соседа, который рядом с ней торговал, что за девушка. Оказалось, из деревни неподалеку – из Березовки Кармаскалинского района. Узнал, что семья у нее большая, семеро братьев с сестрами, да отец с матерью, что живут зажиточно, крепко. Мясом, маслом торгуют зимой. В общем, что сама Авдотья соседу-торговцу рассказала, все и выпытал. И решил, во что бы ни стало, ее разыскать. Встать на ноги, подзаработать и непременно сыскать. А покуда ходил по выходным в гости к Мажиту, не просто грамоте учился, стихи уже слагать пробовал. Жил, не тужил.

Особо любил в кузне колокольцы на дуги для лошадей лить. Просился у Дмитрия Семеновича сам носить к заказчикам. Повесит на дугу, сядет за возницу с хозяином тройки, и погоняет лошадок по улицам. Колокольчики трезвонят, Тимофей хохочет с радости за звон.

А Сергей, что с Тимофеем работал, все больше кольца, серьги отливал. Ювелирничал красиво. Пришел раз заказчик с просьбой браслетку сладить. В кузне кроме Семена и Тимофея в ту пору никого не было, хозяин с хозяйкой на базар отлучились. Семен стал было отказываться заказ без хозяина принимать, но купец настоял, и вложил в ладонь Семену мешочек с золотым ломом. Семен взвесил и записал квитанцию.

– Я не поскуплюсь, подарок третьего дня нужон. Сделай на совесть, мил человек.

– Что не сделать для хорошего человека, – отозвался Сергей. – Сделаем, все в лучшем виде, не беспокойтесь.

Ну и все, купец ушел, Тимофей за самовары взялся, Сергей пошел муфельную печку раздувать. Прошел час. Вдруг крик:

– Тимка, золото!

Тимофея, как кипятком ошпарили. Он выскочил в соседнее помещение, где Сергей купеческое золото оставлял. Напарник озверевшими глазами пялился на полку – мешка с золотом там не было…

– Ты, паршивец, – повернулся Сергей к Тимофею, зарычал и стал наступать, хватая его за грудки.

– Ты чего, охолони, – увернулся Тимофей. – Я сюда и не совался, вон с самоварами ужо час сижу.

– Акромя тебя не было никого.

– Да и акромя тебя никто про золото не знал, – оборонялся Тимофей.

– Ты чего? – заорал Сергей. – Меня под воровство подставляешь? Щенок!

Напрыгнул на Тимофея, завязалась возня. Тут драку услыхали вернувшиеся хозяева и Семен. Насилу разняли, раскидали драчунов в стороны.

– А ну, докладай по одному! – скомандовал Дмитрий Семенович.

– Он золото украл, – прорычал Сергей.

– Не крал ничего. Он сам его в мешке на полку положил, а через час заорал, что украли. А я на самоварах час этот сидел, не ходил никуда, не отлучался.

– Тэээк, шельмецы, квитанцию дайте.

Сергей утер рукавом юшку с носа и подал бумажку.

– Купец Сиротин значит… Не много он на браслетку-то притащил… сучий потрох. Чего рты раззинули, не первый он лом приносит, а потом пацана малого подсылает выкрасть, чтоб меня заставить еще ему лому золотого отвалить. Морды утирайте, разбираться пошли. Идем за мной по-тихому, не то урядника вызовет.

С заднего входа они все четверо перемахнули через забор и стремительно влетели по ступеням на высокое крыльцо купеческого дома. Из двери выскочил дворовой мужик с самоваром. Степан перекинул его через перила и показал кулак: «Молчи, гад». Дмитрий Семеныч уже был в доме и тряс за грудки купца Сиротина:

– Куда мешок заныкал, соседушка? Юшку пустим или сам отдашь?

Парни грозно двинулись со всех сторон на купчишку.

– Ээээ, отдам, отдам, – отчаянно заверещал тот неожиданно тоненьким трусливым голоском.

– Где?

– В шкапу вон, сзади тебя. В верхнем ящике.

– Открой шкап, Тимофей.

Тимофей одним прыжком очутился у шкапа, рванул ящик, наверху лежал мешочек с золотом.

– Есть, Дмитрий Семеныч. Он.

– Ну, вот. Так будем браслетку делать или урядника зовем на нары тебя сажать, Сиротин? – притянул ближе к себе купца кузнец.

– Делаем, делаем, Димитрий. Не надо на нары, Зачем же. Договоримся. Мы ж соседи, – залепетал купчишка.

– Ну, гляди, Савелий Степаныч, второй раз спустил тебе подлость, третьей поблажки не будет. Торгуй лучше, чтобы подличать не приходилось.

– Да какая торговля, Дмитрий Семеныч, концы с концами не свесть нынче, лето, кому валенки сдались!

– Лето кончится, зима придет. А вот, ежели сучить будешь, у соседа красть, не придет ни то, ни другое. Пошли, робяты, работать надо.

Кузнецы вышли со двора купца через передние ворота и быстро дошагали до своей кузни. Тимофей отдал мешок с золотом хозяину и принялся лудить оставшиеся самовары. С этого дня Дмитрий Семеныч стал доверять Тимофею многое.

Как-то Тимофей в жаркую ночь встал и вышел во двор подышать, на воздух, не спалось. Вдруг, на кузне увидел огонек:

– Кто это там? Надо поглядеть.

Он крадучись приблизился к приоткрытой двери в кузню. За наковальней сидел спиной к двери Дмитрий Семеныч, на наковальне лежал разобранный… револьвер.

Заглядевшись, Тимофей случайно наступил на скрипучую ступеньку. Кузнец почуял спиной своего ученика:

– Заходи, не шуми там.

– Да я воздуху дышать вышел, спать не могу, душно. Гляжу, огонек, дошел посмотреть, кто.

– Поглядел? Теперь молчи. Ато без работы останешься, полиция меня загребет. И остальным не говори. Не доверяю я всем. Тебе доверяю. Иди, гляди, тебе тоже польза будет. Времена дурные грядут, чую, скоро револьверы нужны будут.

– Почто так?

– В народе шепоток идет, скоро буза будет. Рабочий народ оружием запасается. Себя защищать и семьи.

– А может, обойдется?

– На бога надейся, а сам не плошай. Поживем, увидим. Спать иди, утром работать.

Тимофей почесал вспотевший затылок и потопал досыпать ночь.

Ближняя неделя прошла без бузы, тихо. Самовары, кастрюли, колокольцы, серьги, лужу, паяю, всем помогаю… А к воскресенью хозяин собрал гостей. Накрыли столы, гармошку вынесли, людей полна горница, поют, пляшут. Тимофей на гармошке знатно меха растягивал, частушками сыпал. Нет-нет, да на хозяина с друзьями поглядывал. А те выпили, попели, посмеялись, байки потравили, и ушли куда-то. Ну, Тимофей, не будь дурак, гармошку передал парню в картузе, а сам вслед за хозяином. Прошел насквозь по двору потихоньку, на заднике, где теплушки стояли (там кур и индюшек разводили) услышал голоса, разговаривали приглушенно. Прислонился ухом к стене. Разобрать толком не разобрал, услышал только: «Царю Миколке конец скоро, надо поболе револьверов собрать». Тимофей от слов качнулся, задел вилы, они упали. Голоса в теплушке затихли. А он, пятясь, сиганул через забор и оббежав, снова заскочил на гулянку. Отобрал гармошку: «Раз прислал мне барин чаю и велел его сварить, а я отроду не знаю, как проклятый чай варить». Гости подхватили хором: «Барыня ты моя, сударыня ты моя». Через минуту вошел хозяин с товарищами. Осмотрелся вокруг, все на месте. Взял чарку, махнул. И подмигнул Тимофею.

Гулянка закончилась за полночь, все разошлись, Тимофею не спалось. Лежал на кровати, в голове крутились слова из теплушки про царя Николая и последние дни. Стало страшно. Что там впереди… Только вроде в жизни успокоился, работа ладная, люди неплохие вокруг. А тут, на тебе – царя скидывать собрались. Страх одолевал, сковывал. Думал, думал, да все ж решил погодить к мужикам прилепляться. Царь-то все ж – батюшка. А он, Тимошка, полжисти уже без батюшки своего прожил, тяжело без отца. Они—то все с отцами живыми, а ему, еще не окрепшему, где батюшку-то искать… Так и уснул в думках.

Наутро разбудила хозяйка стуком в дверь:

– Тимофей, лудить пора.

Соскочил от неожиданного голоса, чуть в подштанниках за дверь не вылетел. Остановился. Плеснул холодной водой в глаза. Вздохнул. Оделся и вышел в работу.

После гулянки особых неожиданностей не было. Месяц кряду каждый занимался своим делом. Только раз Тимофей в выходной сходил на встречу с Мажитом, постояли около Народного Аксаковского дома на Голубиной улице. Поговорили друг про дружку.

– У меня дед Владимир, как мать сказывала, четыре десятины у писателя Аксакова купил. Сами – то они с бабкой Домной из Симбирской губернии переехали.

– Про дешевые башкирские земли услышали? – спросил Мажит-агай, разглядывая Аксаковский дом.

– Ну да, дед-то думал, купит поболе, а приехал, так узнал, башкиры все свои земли банкам продали задешево, а потом кто богаче, тот у банков скупил. Вон помещик Камелов, от которого я сбег, больше 900 десятин набрал. А дед только 4 осилил, в 4 верстах от Кармаскалов. На горе мазанку поставил и хлев на корову с лошадью. В овраге озеро запрудил, воду добыл. С него Аксаково повыросло, 100 домов и боле. Нужда прижала, стал дед мельницы муллам ладить в Карламане, в Кармаскалах, а отец мой, Данила при нем, а потом и сам с 14 годков у муллы Кармаскалинского остался кузнецом, мельником, строителем. До 17-ти проработал. Отдыху не было, захворал, домой отвезли. Мать отходила, на ноги поставила, задумали они его женить. Невесту сосватали, красивую, хорошую, только безземельную, как и дед Владимир. Взял Дуню не одну, а с родителями слепыми, и их поволок по жизни, и себя. На мулловых мельницах пропадом пропадал, ни дня, ни ночи не знал, ни жары, ни холода. Так и сгинул в мороз из-за мельничного дела, лед в самую стынь в одной рубахе с колеса колол, чтоб завести. За то и нас малых с матерью ни с чем оставил. Там и начались мои мытарства в помещичьем подворье.

– Дааа, – протянул Мажит-агай, – тяжело простым людям жить.

– Не сладко, верно. Только вот я думаю про царя. Его батюшкой зовем. Как же его убирать? С кем останемся?

– Ты, Тимоша, не спеши. Подумай, по сторонам еще посмотри. К примеру я, с 13 лет без отца, без матери. Стал по Уралу скитаться, чтоб с голоду не помереть. Своих ребятишек в деревне читать писать учил, чернорабочим на чугунном заводе работал. Ладно шакирдом в медресе Зайнулла-ишан взял. Чтоб не выгнал, золото добывал у татарских миллионеров Рамиевых, к казахам в степи ездил, грамоте детей учить. Первый рассказ свой в Казани напечатал, «Жизнь прошедшая в нищете» называется. Хочешь, дам почитать. Я твою жизнь без твоих рассказов знаю, сам такой. Постарше только мытариться начал. Ты уж больно маленький без отца остался. А так – все одно. А кто во всех наших бедах виноват? В том, как мы живем? На заводах, погляди, как рабочие горбатятся? Ни света, ни техники. А с Европы прогресс идет. И техника, и созидание. Да и на башкир погляди, от русских отстают, забитые совсем. Неет, Тимоша, рыба с головы гниет.

– Ладно, Мажит-агай, ты мне шибко помог, давай свою книжку, почитаю, покумекаю.

– Пойдем, дома есть одна, только ты ее прячь, хозяину не показывай, кто знает, что там у него на уме.

– Да, он револьверы делает на революцию, – ляпнул Тимофей и осекся.

– Вот те на, – удивился Мажит-агай. – Я думал, всех уфимских знаю, кому Миколка не нравится… Тогда читай, не опасайся, а я как-нибудь к вам зайду, поговорим с Дмитрием Семеновичем.

Пришел Тимофей с книжкой в комнату свою, чтоб спокойней было, половицу под кроватью поднял, и спрятал книжку в углу. Береженого Бог бережет.

Примерно через месяц после этого разговора с Мажитом, хозяин опять гостей собрал. Стали выпивать. Дмитрий Семеныч Тимофея нахваливает:

– Вон, робяты, мой мастеровой, Тимоша, страсть какой кузнец получился, меня за пояс заткнет. Как взял я его, кузня в два раза больше работы делает. На лету все ловит. Ювелирничать только ему не нравится. Ну, на то Сергей есть. Айда выпьем за его здоровье, робяты.

Тимофею радостно, чарку выпил, другую, язык и развязался. Больно ему хотелось своим Дмитрий Семенычу стать, батьки —то не хватало:

– Я, робяты, ваш наскрось. Чего в теплушке баете, то и сам знаю, ваш я. Вон, мне друг мой, Мажит-агай книжку свою дал читать «Жизнь в нищете», сам читаю, и вам дам.

Не успел договорить, как здоровяк с красными пьяными глазами рядом с Семеновичем сидевший, перекинулся через стол и схватил Тимофея за грудки:

– Чаво ты слыхал в теплушке, повтори! А ну, выходь со мной!

Он потащил его за плечо, вон из кухни. Хозяин кузни пошел следом. В коридоре здоровяк прижал Тимофея к стене, локтем давит на кадык. Плохо дело. Дмитрий Семеныч подоспел вовремя:

– Охолони, Саня, осади, говорю. Не трожь парня. Свой он. Надежный, никому не скажет. Я проверял уж. Стой, кому говорю, отпусти.

– Нее, щас я его уберу, чтоб не трепалси.

Дмитрий размахнулся и сунул кулаком в нос Сане.

– Ты чего, Семеныч, за Иуду мне в нос.

– Не Иуда он, говорю. Не слышишь меня. Парень проверенный. Ручаюсь за него. Отойди.

Здоровяк отпустил Тимофея недовольно:

– Ну, поглядим какой он свой. Ты, Семеныч, с энтих пор за него в ответе. Если чего, не серчай.

С этого дня хозяин кузни стал за Тимофеем следить, куда ходит, с кем речи ведет, чего делает. Ну да что уж, сам виноват, язык самогонкой развязал. А с другой стороны, стали вечерами много с ним говорить про несправедливости вокруг. Книжки Мажитовы носил, читали за керосинкой. Днем за кувалдой, вечером с хозяйкой Евдокией резину плавил, галоши для офицеров клеил, резиновые подушки для больницы. Ночью за книжками. Засыпал на ходу. Три года минули – и не заметил.

Как-то в воскресенье на базар подался, проверить, как резиновые мячи, что с хозяйкой делали, продаются. Подошел уж близко, голову к дороге повернул, а там на подводе метров за пятьсот – Дуняша едет, что мясом торговала. Кинулся было, бежал что есть духу – не догнал. Постоял средь дороги, почесал затылок, вернулся в кузню:

– Дмитрий Семеныч, благодарствую за науку. За приют, за прокорм и одежу. Но я решил уйти от тебя.

– Чего так? Чем негожи стали?

– Всем гож, только без оплаты боле не могу. Жениться скоро надо, а с чем? Пойду за деньги наниматься.

– Эх ты, паря. Я тож дурень, и не подумал про женитьбу —то. Все ты мне малой глянешься. Ладно, Тимофей. Не пущу я тебя никуды. Компаньоном моим будешь. 15 процентов с доходу тебе даю. Помещенье для кузни искать не надо, платить за него не надо, учеников искать, кормить, поить их не надо. Чего думаешь, по рукам?

Тимофей конечно согласился. Дело выгодное. Уж через месяц смог себе костюм купить, жилетку, часы, гармошку, сапоги, пальто. Чисто франт стал. Выйдет на улицу в выходной, гармошку растянет… Как частушками посыплет, все девчата с округи щечками пылают. Только деньгу подсобрал, хотел Дуняшу сватать ехать, а тут… война.

Тетрадь 3-я. Первая мировая война

2 августа 1914 год. В кузне с утра ходят хмуро. Часа в два пополудни возле дома Дмитрия Семеныча вихрастый рыжий пацан с хриплым сорванным голосом стал читать новости с газеты:

– Император Николай II подчеркнул, что Россия не может не заступиться за «братьев единых по вере и крови». Он надеется, что все «внутренние распри будут забыты», и что «на защиту отечества встанут все верные подданные».

Мальчишка дочитал, попросил попить и побег дальше по улице, начитывать другим людям новости из Санкт-Петербурга, оставив мужиков с кузни с тяжелыми сердцами и разбитыми надеждами на лучшую жизнь. Хозяйка Авдотья заголосила, упала на грудь мужу. Остальные пошли вовнутрь дома.

– Ну чего, мужики. – начал Степан. – Видно, собираться пора. Поковали, теперича повоевать надобно. Нас всех в рекруты заберут. Семеныча, скорей всяго, в ополчение. Хорошо мы с вами жили, да видать, не судьба боле. Давайте обнимемся что-ли.

Парни встали в круг плечом к плечу, как встарь, когда к бою готовились, руки друг дружке на плечи поклали, стали раскачиваться из стороны в сторону, нагнетая с природы дух воинский. К вечеру разъехались все по матерям в деревни свои, с родными прощаться. Голубев кузню прибрал, закрыл, так работа их закончилась.

Аксаково встретило Тимофея ранним утром, стоял туман. Штаны насквозь промокли от луговой росы. Пастух погнал стадо на выпас, коровы не гудели, шли молча. Тимофей поровнялся с пастухом:

– Здорово, Минивалей.

– Иш ты, Тимошка, ты что ли?

– Я.

– Авдотья квашню пошла месить, туда иди.

– Ладно.

Он дошел до помещичьей кухарской. Из нее доносился материн тихий плач-песня:

– Солдатушки, бравы ребятушки, дружно врага бейте…

– Мама, – окликнул ее Тимофей.

– Тимоша! – кинулась она к сыну, плюхнув тесто в чан. – Родный ты мой. Приехал.

– Ну чего ты, мамань, приехал. Чего ты.

– Да ничего я, дура-баба, чего я, живой, вон какой обутый, одетый, жить будем и песни петь. Садись сынок, покормлю, небось голодный.

– Покорми, ежли есть чем. Да, мамань, я тебе подарков маненько привез. Бусы, платок. А этот узелок спрячь до времени. Тут книжки мои, поэт Мажит Гафури дал. Тута кой какие деньги на женитьбу отложил. Будет туго, не береги, бери сколь надо из кубышки.

– Господи, уж заторопился. Ешь, садись. Спрячу, сберегу. Мне нисколь не надо, слава Богу, ем, пью досыта, при кухне же. А братья твои уж давно сами себя знают. Сестренку твою замуж выдала в прошлом годе. Так что сберегу, сберегу. Нынче всей деревней столы будем накрывать, робят все собирают, и богатые и бедные. А ты заранее поешь, когда ишо сподобимся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.